

Илья Муромец и голи кабацкие (2)

А и собирал-то князь Владимир он почесён пир,
А вот почесен он пир да он на весь мир,
А и как ведь и начали тут ведь и гости-ти съезжатисе,
А и вот съезжаться-то начали, скоплятисе;
А и скоро-скоро княженецьки-то светлы гривены
А они народом-то ведь и были принаполнены;
А и как стречал-то князь гостей да всех усаживал
А и как за те ли всё за столичики окольные,
Э и как за те садил скамеечки окольные,
А и как на те садил скамеечки-ти рыта бархата,
А и как за ёствы садил за всё за разные,
А и за напиточки садил же он заморьские.
А и тут все были на пиру у князя съехались,
А и как со старого до малого в Киёви-то сёзваны,
А и заиграли тут во струны-то в золоченые,
А вот во те ли всё во гусли-то во веселые,
А и как запели-то все люди за столом они,
А и вот запели-то старинушку стару-прежнюю,
А и все заслушались богатыри славны киевьски.
А когда пропелись народ, проговорилисе,
А и как тогда же все гости-ти призамолкнули,
А ёны сидели-то гости-ти тут ведь кушали
И еше белую лебедушку они рушали.
А и красно солнышко пекло у нас на ясени
А и как веселой-то пир шел навёселе;
А и как красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и все на пиру-ту у князя как у Владимира
А как досыта-та сыто наедалисе,
А и вот допьяна-то пьяно напивалисе,
А и во хмелюшечки они все приросхвастались.
А еше умной-то захвастал рóдным батюшкой,
А и вот разумной-то захвастал рóдной матушкой,
А и как богатыри захвастали всё они своей силой богатырьскою,
А и еше рыцари захвастали они подвигами славныма рыцарьскимма,
А и князь-бояра захвастали науками,

А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как купьцы-гості торговые захвастали,
А и они захвастали своей же золотой казной.
А и как ведь и один сидел дородней добрый мóлодец,
А и он нечím сидел всё же он не хвастал-то,
А и подошел к нему ведь и князь же Владимир стольнѣ-киевьской:
— А и уж ты что же, доброй мóлодец, не хвастаешь?
А и нечегó-то мне как, князю, не говорішь-то?
А и тебе есть же чем ведь и всё же вот похвастати:
А и много-много ты бывал же везде, езживал,
А и много-много ты везде да всего видывал,
А и еше много-то всего да ты же слыхивал.

А и отвечал тогда ведь и князю-ту Илья Муромець:
— А я хошь и много, князь Влагодимер-то, везде бывал,
А и много-много я на свете всего слыхивал,
А уж я и слыхивал всего же, много видывал,
А и стань ведь сказывать, Владимир-князь,
А и не поверят-то как и мне-ка же, дóбру мóлодцу,
А и лучше же мне сидеть ничем не хвастати.

А и тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
А и за великую насмешечку показалосе,
А и говорили они тогда князю Владимиру:
— А и он ведь и с нами-ти на пиру у тя говорить да никогда не хочот-то,
А и розговор-от ведет да всё веселой-от
А и как со той ли всё со голью всё со кабацькою,
А и когда сидит-то он в твоих во княженеських во кáбаках,
А и когда пьет-то много он же зеленá вина,
А и зеленá вина дак и пьет-то пива пьяного.

А и ишше-то тут Ильи-то Муромцю ети речи-ти не слюбилисе,
А и тут разгневалсе на их же Илья Муромеч,
А и нечегó-то Илья Муромець не разговаривал,
А и замолчал сидел дороднѣй доброй мóлодец.
А и долго шел пир-от княжеськой-то, длилсе он,
А и красно солнышко за гóрушки закатилосе,
А и княженеськой-от ведь и пир да он прошел же весь,
А и стали гости-ти ведь и тут из-за столов вставать,
А и стали гости-ти ведь и тут богу молитисе,
А и как со князем тут, со кнегиной распрошшатисе,
А и благодарили-то ведь и князя вот со кнегиною

А и как за ихны за пиры-столы веселые,
А и все же гости ведь и тут же розъезжались,
А и тут ведь и гости-ти скоро расходились.
А й как пошел тогда с пиру Илья Муромець,
А и он пошел тогда не в полаты-ти княженеские.
А и он пошел, пошел тогда-то в бóльши кáбаки,
А и в бóльши кáбаки пошел он княженеские.
А и как пришел когда во княженеской кабак же он,
А и тут сидело-то, сидело народу разного.
А и тут стояло-то у порогу-ту голь кабацькая,
А и голь кабацька-та стояла вся невесела.
А и поздоровался с нимá же Илья Муромець:
— А и уж вы здравствуйте, ведь и всё народ приходяшшой-от!
А и во перьвých-то ведь и здравствуйте-ко, все ведь славные хрестьянушки!
А и во перьвých-то здравствуйте, черные-ти пахари!
А и уж вы здравствуйте-ко, люди-народ посадские!
А уж вы здравствуйте, народ-люди, голь кабацькая!
А и вы уж что же ведь, ребята, невеселые,
Э и невеселые, повесили буйны головы?
А и что же вам, ребятушка, нездоровится?
    А и отвечала-то тогда же голь кабацькая,
А и перьвы́-ти говорили же: «голова болит!»,
А другí-то говорили, что «исть, пить хочется!»,
А как третью́-то говорили: «нам ведь и нет у нас одежды-то!»
А и говорил тогда Илья же им Иванович:
— А я некогда́ с вами, ребятушка, не сиживал,
Э и некогда́-то с вами, ребята, не говаривал,
Э и некогда́ с вами, ребята, я не говаривал.
    А и тут ведь и брал-то Илья Муромець золотой казны,
А и вынимал-то он тогда же чиста сéребра,
А и он давал, давал ведь и голи-то кабацькою,
А и вот кабацькой-то ведь и голи-то, посадской-то.
А и накупили тут ребята жо зеленá вина,
А и вот набрали тут ребята пива пьяного,
А и тут пошло у голи кабацькой-то пированьицо,
А развеселилась-то ведь и тут же голь кабацькая,
А и голь кабацька развеселилась вся посадская.
Как Илья-то у нас Ивановичь не кушал-то,
Он не пил, не пил со голью-ту со кабацькою разную.

Он распрощался-то со голью со кабацькою,
Говорил тогда премладому кабацькому:
— Когда мало бѹдет того им на опохмѣлюшку,
Ты возьми у меня еще же да золотой казны,
Ты ведь и дай-ко им тогда на опохмѣлюшку.

Роспростился-то Илья Муромец же он,
Не пошел-то он ко князю-ту ко Владимиру,
Как пошел, пошел на подворьицу Добрынино,
Ко Добрынюшки пошел он ко Никитицю.
Как Добрынюшки Никитиця в доми не было,
Шшо Добрынюшки при домицьки не пригодилося;
Стречала-то Добрынюшкина рѹдна матушка,
Пречесна вдова Омельфа-та Тимофеевна,
Она стречала-то его же, низко кланелась:
— Уж ты здраствуй, здраствуй, дородней ты доброй мѹлодецъ,
Ишшо на имя Илья же сын Иванович!
Как, какима же ветрами занесло тебя?
А и как, какима же судьбами приволокло тебя?
Дѹбро жаловать, любимой мой племенничок,
Как и на имя Илья же сын Иванович!

Приходи-ко в мои полаты во вдовиные,
Вот поешь у меня, попей же ты, покушай-ко!

Тут садился Илья Муромец с Добрынюшкиной с рѹдной матушкой,
Тут всего они тут всего и переговорили-то.
Росказал-то Илья Муромец про князя про Владимира,
Как сидел же он у князя на пиру же все,
Насмеялись-то над ним же все дворяна-то,
Вот дворяна насмеялись, все бояра-ти:
— Будто я сижу ведь и да пью с голью-ту кабацькою,
Я сижу-то с има будто прохлаждаюсе
В княженецьких-то будто больших кабаках.
Я ведь со такого-то с великого ударику
Как ушел сѹгѹдни из княженецького дворца же вон,
Был же, был во княженецьких больших кабаках,
Напоил же всю я голь же всю кабацькую,
Напоил же все я голь посадьскую.
Они все у меня сегодня есть веселые;
Если мало ведь и дал я человальничку,
Если мало дал я золотой казны,

Тогда добавит-то ему же человальничок.

Он ведь жил-то у Добрынюшки Никитича,
Жил у Добрынюшкиной матушки трои сутокки.
Как прошла-то эта славушка по городу,
Вот по городу прошла же всё по Киеву,
Илья Муромец-от будто всё с ума сошел,
Он с ума будто сошел, да всё неумный стал:
Он ведь и пьет ходит со голью-то со кабацькою.
Услыхал-то всё про то да сам Владимир-князь,
Сам Владимир-от князь да ведь и славной киевской,
Посылает-то он своих же слуг-то верных тут;
Приходили скоро тут слуги-ти княженеськие,
Они спрашивали у млáдого человальника:
— Ишше не был ли Илия, да Илья Муромеч,
Илья Муромец-от не был ли сын Иванович,
Его звал-то Влагодимер скоро к себе во дворец.
Во свой-от дворец да пред себя к себе.

Отвечал-то тут премлáдой человальничок:
— У мя был-то Илья Муромец ненадолго он,
Он не пил у мя сидел да всё не кушал-то.
Только дал же он на выпивку голи-то кабацькою,
Вот кабацькой-то голи да всё посадьскою.
Образумилась тут ведь и голь же всё кабацькая.
Приоделись они сегодня скоро платьём-то,
Розошлись-то от меня они по тíхому.

Приходили тут к князю тут слуги верные,
Росказали князю-ту, как же они слышили;
Услыхали тут дворяна-ти, бояра-ти,
Приходили-то они ко князю-ту, низко кланелись:
— Ты прости-ко нас, князь Владимир, вины виноватою
Нам без той ли всё без казни без скорою,
Нам без той ли всё насмешечки великою,
Нам без той ли всё ссылочки без дальние!
— Говорите-тко, бояра, что вам надобно,
Говорите-тко, дворяна, что вам нужно-то.
— Уж ты, ласковой Влагодимёр-князь стольнё-киевской,
Ето што тако за чудо у нас чудноё,
Ето што у нас за диво есть ведь дивноё?
Какой-то богáтырь у нас во Киеви

Как на больших-то сидит за старшого?
Он ведь и ходит-то по городу уродует
Как со той ли всё со голью-ту со кабацькою,
Со кабацькою-ту ходит он со посадьскою,
Он ведь и пьет и пьет и с йма-то зеленó вино,
Во хмелюшечки-то с йма разговариват:
«Я возьму себе в дружиночку голь кабацькую,
Голь кабацькую возьму же я, посадьскую,
Отберем у князя Владимира славной Киев-град,
Всех богатырей из Киева повыведем,
Вот повыведем ведь их, велим ведь выехать».

Тут ведь князю-ту Владимиру за беду пришло,
За великую обидушку показалосе:
— Когда придет ко мне Илья же, Илья Муромець,
Илья Муромець-от придет сын Иванович,
Засадите-тко его вы в тёмну тёмницу,
Вот запутайте во путани шелкóвыя,
Вот задерните во оргány-ти во железные,
Засадите-ко дóбра мóлодца в неволюшку.

На четверты-ти ведь суточки поры-времени
Распрошшалсе-то Илья с Добрынюшкиной рóдной матушкой,
Пречестной вдовой Омельфой-то Тимофеевной,
Во слéзах-то его матушка Добрынина спросила тут,
Провожала-то она же, слезно плакала,
Унимала его: — Почему же не живешь у нас?
— Уж ты ой еси, Добрынюшкина рóдна матушка,
Мне-ка надобно итти ко князю-ту ко Владимиру,
Мне итти как ведь и нужно попроведати.

Распрошшалась тут Добрынина рóдна матушка,
Вот пошел, пошел Илья же сын Иванович,
Он пришел, пришел ведь и скоро на княженеськой двор,
С широка́ двора зашел в столовыя во гривины,
Он молилсе тогда спасу пречистому,
Вот здоровалсе со князем-то со Владимиром,
Со Владимиром со князем-то, со кнегиною.
Как по ту пору, во то время бояре-ти
Вот схватили дородна дóбра мóлодца,
Его запутали во путани шелкóвыя,
Вот задернули в оргány-ти во железные,

Уводили дѡбра мѡлодца из дворца же вон,
Засадил дѡбра мѡлодца во темную во тѣмницу,
Заклучили его в злодейку-ту заклучѣнную.
Как сидел-то Илья Иванович трои сутоки,
Вот узнала скоро же всё и голь же всё кабацкая,
Тут скоплялась голь кабацкая во единый круг,
Говорила голь кабацкая во единое слово;
— Нам ведь надоть выручать-то, ребята, своего-то великого добродетеля,
Добродетеля Илию же, Илию Муромца,
Как его надоть ведь и сына свет Ивановича.

Подошла-то тут ведь и голь же, голь кабацкая,
Ко княженецкой-то она же темной тѣмницы,
Они немного тут ведь и стали разговаривать,
Приломали-то замки-ти заморские,
Притоптали все ведь и двери-ти дубовые,
Розвязали тут ведь и путани шелковые,
Разрубили тут органы-ти тяжолы-ти железныя.
Вышел, вышел тут Илья же сын Иванович,
А бояра-ти, дворяна не показались.
Как пошел тогда Илья же Муромец,
Как пошел тогда же с ними в княженецки больша кабаки,
Как без расчета дал им тут же золотой казны,
Много брал-то ведь покупал им зеленая вина,
Напилась-тут дружиночка кабацкая,
Ишшо та ли голь кабацкая, посадская.
Поутру-то всё по раннему дружиночка пробужаласе,
Илья Муромец давал им на опохмелитисе,
Как давал-то им ведь и он на пропитаньице,
Вот давал-то он их на одеваньице,
Роспрошшалсе тут со голью со кабацкою:
— Ешше я-то вам, ребятушка, скажу же всё:
Приоденьтесь-ко, ребятушка, всё по одежи-то,
Уж я куплю-то вам, ребята, по добру коню,
Я куплю-то вам, ребята, латы булатныя,
Я куплю-то вам ведь саблю богатырьскую,
Я куплю-то вам ведь и копье-то богатырьское,
Я куплю-то вам ведь и паличи тяжелые.
Как сказал-то Илья Муромец, исполнил он, —
Как купил-то им по коничку богатырьскому,

Выдавал-то им ведь и латы богатырьские,
Выдавал-то им ведь сабли богатырьския,
Выдавал-то им ведь ко́пьё богатырьскоё,
Выдавал-то он по палици тяжелою, —
Снарядил-то он дружиночку сделал тут хоробрую.
Как во ту́ пору, во то са́мо-то во времецька
Как богатырей-ти некогó во городе не случилось,
Подошла-то тогда сила неверная,
Вот неверна-та сила всё арабская,
Подошла-то тут ведь и силушка азовская,
Подошла-то тут ведь и силушка пересийская,
Много-много силы подошло силы неверною.
Как от той ли всё от силушки от многою,
От того ли всё от пару-ту лошадиного
Не заогли-то продувать же ветры буйные,
Не заогло-то пропекать же красно солнышко,
Как народ-то ведь и люди разболелисе,
Разболелисе во Киеви, расхворалисе.
Как Илья-та жил ведь Муромець во Киеви,
Вот во Киеве же жил, только не у князя он,
Он ведь жил-то у Пересмякина племянника;
Как узнал про то Владимир-князь стольнё-киевьской,
Посылал-то слуг своих да он просил его,
Вот просил его на пир да на веселой стол;
Отвечал-то князь Владимир стольнё-киевьской:
— Уж вы ой еси, слуги-ти княженеськие,
Вам спасибо-то и ведь, слуги, за приглашеньицо.
Меня нечего-то звать да звать ведь, чостовать,
Потюрёмны-ти ведь и люди невеликие,
Невеликие-те люди, непочотные.
Как ведь и есть кому у князя на пиру сидеть,
На пиру кому сидеть да всё дела вести.
Как ведь ти послы уходили от Ильи же вон,
Как другі послы-ти приходили-то, низко кланелись, —
Не пошел-то Илья Муромець на почесен пир,
Как поехал Илья Муромець ко своей же ко кабацькою к дружиночке:
— Поезжайте-тко, дружиночка кабацькая,
Вот кабацькая дружиночка посадьская,
Поезжайте-ко со мной вы ко Добрынюшкиной рóдной матушке,

Поедѣм у ней же мы всё у ей, покушаем,
После пированьица поедем во чисто́ полѣ,
Нам ведь надо всё побиться, поборотисе.
Я побью, быват, ведь и силушку неверную,
Вы, ребята, помогайте силу хоронить же мне.

Тут дружиночка его же всё посадьская
Скоро-скоро ведь ребята приоделися,
Вот сядилисе они же на добрых коней,
Вот приехали к Добрынюшкиной к матушки,
Вот приехали-то к матушке на широкой двор,
Привязали коней-то к дубовым столбам,
К дубовым они столбам, да к золотым кольцам;
Как выдавала тут Добрынюшкина матушка
Им пшеницы ведь и всё же белояровой,
Она насыпала-та много, чтобы покушали,
Наливала им воды она медовой.
Как пошли тут ребята во палатушки,
Пировали-то сидели три часа они,
Три часа они сидели проклаждались,
На четвертой-от они еше остались,
Илья Муромец пошел же за добрым конем.
Не заходил же он во гривины княженеские,
Заходил-то только он же на широкой двор,
Он ведь и брал с собой ведь и скоро вот добра коня,
Убирал он коня в золотой убор,
Накладывал двенадцать тугих подругов,
А тринадцато-то клал он ради крепости,
Ради той ли всё поездки-то богатырьскою.
Он ведь и брал-то, брал с собой же платье богатырьское.
Он ведь и брал с собой ведь и латы-ти богатырьские,
Он ведь и брал с собой ведь и саблю-ту, саблю острую.
Он ведь и брал с собой ведь палицу тяжелую,
Съезжал скоро ведь и он да со двора же вон.
А и он поехал скоро по городу по Киеву,
Э и приезжал-то он к Добрынюшки Никитицу,
А и под переднее приехал он окошечко,
А и как кричал, кричал своим же громким голосом:
— А и ай дружиночка моя славно посадьская,
А и ешо та ли всё ведь и голь, да голь кабацкая,

А и как пора же, добры молодцы, собирайтесь,
А и за работушку-ту нам же принимайтесь!
А и услышала-то дружиночка, голь кабацкая,
А и выходили-то из-за столичков, из-за кушанья,
А они благодарили-то Добрынюшкину родну матушку,
А и вот распрошались со Добрынюшкиной матушкой,
А и вот пошли, пошли вот они же на широкой двор,
А и вот отвязывали они же всё добрых коней,
А и вот выехали ребята на улочку,
А и вот поехали ребята-те во чисто поле,
А и переехали они же славному Непрь-реку,
А и вот приехали ребята во чисто поле.
А и как ведь и силушки неверной очень много есть,
А и ясну соколу-ту будет не облететь ему,
Как богатырю-то не объехать на добром кони.
А и тут ведь и начал-то смотреть-то же Илья Муромец
А во свою ли он во трубочку подзорную,
А и усмотрял-то, где-ка силушка-та густая,
А и где-ка силушка-та есть да всё же средняя,
А где-ка силушка стоит да всё же редкая.
А и он немного тут ведь и стал же разговаривать.
А и он начал тут Илеюшка поезживать,
А и начал силушку рубить немилосливо:
Он вправо-то махнет, — валилась улочка,
А и влево-то махнет, — так переулочки.
А и помогала-то ему дружиночка хоробрая,
А и ишше-та ли всё ведь и голь, да голь кабацкая,
А и вот кабацка-та ведь и голь была, посадская;
А и увидали тут ребята, голь кабацкая,
А и голь кабацка-та увидали тут, посадска-та,
А Илья Муромец воюет сын Иванович,
А и скоро-скоро голь кабацка-та привыкнула,
А и они начали-то ездить, помогать ему:
С праву руку-то рубил же Илья Муромец,
В леву руку-ту рубила голь кабацкая.
А они рубили-то бились три-то месяца,
А и пособил господь Ильи же тут ведь Муромцу
А и за его ли всё за многое терпеньецо, —
Много-много был засажон раз в тёмну темницу,

А и засажо́н-то был всё он ведь и по-напрасному.
А и вот прибили-то ведь и силу всю неверную,
А и шшо очистили славной Киёв-град от гибели;
А прирывали скоро трупы-ти видь мертвыя,
Голь кабацька-та была на ето очунь работная,
Призарыли скоро ведь и их-то скоро всех сырой землей.
Становили тут ребятушка белы́ шатры,
Они по́пили-поели, отдохнули тут,
Отдыхал-то тоже Илья же, Илья Муромець,
Отдыхали с такой работушки неделёчку.
Как Илья-то, Илья Муромець, гово́рил-то:
— Уж вы нате-ка, ребятушка-дружиночка,
Вы возьмите-тко у мяя же дам я золотой казны,
Вы возьмите-ка дам я вам ч́иста сéребра,
Это в войске осталось, мне не надобно,
Вы возьмите, добры молодцы, себе на пропитаньецо,
На пропитаньецо себе вот, на разживаньецо,
Вы послушайте-ко, ребята, наказаньеце:
Вы не пейте боле зря да зеленá вина,
Вы не пейте-тко же пива, да пива пьяного, —
Вам пора, пора, ребятушка, обдуматься,
Из вас б́удёт же богáтыри, сла́вни рыцари.
Как тепере поезжайте с богом в красной Киев-град,
Хошь немного-то испейте зеленá вина,
Вы попейте-ко, ребята, разных водочёк,
А потом же вы прироздумайтесь,
Сами-ти себя сделайте хорошима,
Шшо дружиночка была у мяя неплóхая.

Тут клянúлись они, дружиночка, божилисе:
— Б́удём верно мы тебе служить до гробика!

Тут ребята-ти с Илеюшкой спрошшались,
В славной Киёв-от ведь и город уезжали-то.
Илья Муромець поехал в город Муром-то,
Он немного в городи-то прож́ил же там,
Как поехал во село свое Качарово,
Как на свое же он поехал на подворьецо,
К своему-то он поехал к отцу, к матушке.
Как приехал-то Илья вот на свиданьецо,
Тут отец-то рóдный батюшко веселой стал,

Родна матушка его была ведь здоровёшенька,
Она от радости стречала чадо милого.
Тут осталсе Илья Муромец жить в Качарове.
Как ведь той нашой старинушке конец и пришел.
Как Качаровской-то всё же вот славной реченьке
На тишину-ту ей же на великую,
Как ведь и городу-ту Муромьску на чесь-славушку великую,
Вам, премладые ведь и люди, на прописаньицо,
От вас млáдым-то пойдет на росказаньице.

(Записано Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец 30 августа 1937 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области от Марфы Семеновны Крюковой, 62 лет.)

Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Редакция акад. Ю. М. Соколова. Т. I, М., 1939.